

УДК 947.07

УСТНАЯ ИСТОРИЯ «МОЛЧАЛИВОГО БОЛЬШИНСТВА»: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ПРОШЛОГО САМАРЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КУПЦОВ И МЕЩАН СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

© 2013 Ю.Н. Смирнов

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 16.09.2013

Реконструкция исторических представлений жителей Самары из купцов и мещан в середине 19-го столетия стала возможной благодаря воспроизведению их рассказов в краеведческих трудах Гаврилы Никитича Потанина. Эти материалы из Самары являются уникальными для провинциальных городов нашей страны, а потому представляют не только локальный, но и общероссийский интерес. Ключевые слова: Россия в XIX веке, история Поволжья, историография, источниковедение, провинциальная культура, устная история, исторические представления горожан.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-11-63008 а(р) «Исторические представления и традиции жителей дореформенного провинциального города в записях и осмыслении середины XIX в. (по собранным в Самаре данным устной истории, материалам фольклора, этнографическим сведениям)».

Не умаляя роли столичных центров в духовном развитии дореформенной России, следует отметить, что и провинциальные города в канун Великих реформ также стали развиваться более динамично в социально-культурном отношении. Однако это далеко не всегда заметно в работах историков и других специалистов гуманитарного знания. Дело в том, что при конкретно-отраслевом подходе, длительное время преобладавшем при изучении истории российской провинции и ее преподавании в местных вузах, в основу исследования закладывается рассмотрение отдельных отраслей социальной, хозяйственной и духовной жизни региона. В большем числе случаев развитие каждой из них на провинциальном уровне «не дотягивает» до столичных образцов. В силу этого отраслевой подход часто дополняется целеполагающим принципом обязательного сравнения местного губернского или городского общества с идеальной моделью, не только столичной, но даже зарубежной, на которую оно по определению мало походит, а потому обречено постоянно выглядеть отсталым, ретроградным и малоинтересным.

Конкретно-отраслевой подход, надо признать, дает возможность углубленного детального анализа определенных сфер общественной жизни. Однако он не позволяет получить адекватного представления о специфике историко-культурных явлений в провинциальной среде.

*Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета.
E-mail: smirnov195503@yandex.ru*

Отраслевое изучение, да еще дополненное априорно заданной целью безнадежного «догоняющего развития», не учитывает сами особенности этой среды, не вскрывает как причин устойчивости традиций, так и реальный уровень распространения общественных и культурных новаций в широких слоях жителей провинции.

Интегрирующий системно-функциональный подход в исследованиях является сравнительно новым. Интерес к нему проявляют историки, культурологи, искусствоведы, литературоведы и др. Ярким и успешным примером тому стали труды Ю.М. Лотмана¹ и других исследователей, использовавших достижения его школы. При данном подходе к изучению истории и культуры необходимо охватить практически все сферы российской действительности. В этом случае при всем внимании к «культурным вершинам» приобретает принципиально важное значение также изучение создания, распределения и потребления духовных ценностей в обычном губернском или уездном городе. Культура предстает одним из показателей уровня общественного развития страны в целом и ее регионов вместе с экономикой и социально-политическими институтами².

Впрочем, новое научное понимание своеобразия и важной роли жизни и культуры провинциальных городов начало складываться еще до методологических инноваций второй половины XX в. Это касалось прежде всего разночинской городской среды, которая в 19-м столетии вывела своих представителей на ведущие позиции не

только в художественной, но и в общественно-политической сфере, потеснив выходцев из дворянства. Еще в 1920-е гг. Н.К. Пиксанов утверждал, что перед исследователями стоит «принципиально-методологическая задача изучения областных культурных гнезд», без решения которой останется «не понято важное значение их для всего общерусского исторического процесса». Только таким путем можно было составить реальную картину общественного и культурного развития страны в целом, соотношения в нем столицы и провинции. Первенство среди «областных культурных гнезд» он отдавал провинциальным экономическим и административным центрам, о которых писал: «Большие города в России очень молоды, русская культура одна из самых провинциальных в Европе, а социальный состав населения – наиболее демократичен»³.

В силу своей большей демократичности культура провинции, в том числе городская, была более тесно связана с культурой традиционной, чем столичная. С одной стороны, это делало провинциальную повседневность более инертной к изменениям, а с другой стороны, не прекращавшийся и здесь синтез культурных новаций и традиций проходил в более естественной, добровольной, взаимоприемлемой форме, что могло быть особенно плодотворным для общественного прогресса.

Губернский или уездный город в отличие от других центров провинциальной культуры, дворянской усадьбы и крестьянской общины, был лишен сословной односторонности. Дворянская среда таких городов не была тождественна купеческой и мещанской, но имела с ними точки соприкосновения. В городскую жизнь постоянно вливались сельские выходцы. Общественные усилия и духовные запросы горожан разного достатка и социального статуса предпринимались как в индивидуализированных формах, например, благотворительности и меценатства, близких к дворянским, так и в коллективистских действиях «градских обществ», схожих с активностью крестьянских миров.

Однако в городской жизни были прежде всего заметны черты «новой» культуры, родившейся и развивавшейся в ходе модернизационных процессов. Им отводилось главное внимание историков и краеведов. Традиционная культура основной массы населения, не принадлежавшего к образованным и привилегированным слоям, не вызывала интереса исследователей по двум главным причинам.

Первая из них состояла в том, что для либеральных историков в дореволюционной России и марксистской историографии в советской стране эта культура представлялась пережитком

уходящего прошлого, косной и неинтересной исследователю. В 1990-е – 2000-е гг. ситуация изменилась. Однако в потоке работ, посвященных горожанам XIX века, многие стороны провинциальной культуры, социальной жизни и общественного сознания по-прежнему остаются вне внимания, например, тема исторических представлений и знаний жителей русского провинциального города. Данная тема не затрагивалась в диссертационных работах последних лет, претендующих на комплексное освещение повседневности, ментальности, культуры купцов и мещан⁴ или места городской культуры среди иных форм культуры русской провинции⁵. Обращении к историческим представлениям жителей дореформенных городов Поволжья в статьях или книгах исследователей не упоминается и в обзорах литературы⁶. Указанный историографический пробел во многом определил цель нашей статьи.

Вторая причина определена тем, что даже при желании заняться культурой купеческо-мещанской среды и бытовавшими в ней историческими представлениями приходится сталкиваться с недостатком источников, особенно таких, которые в данной среде и создавались. Из исследователей дореформенного русского города особое внимание на трудности реконструкции культуры купцов и мещан, вызванные состоянием источниковой базы, обратили А.А. Севастьянова и В.Н. Козляков. Они предложили определить эту основную часть городского населения как «безмолвное большинство»⁷ по аналогии с понятием «безмолвствующее большинство», которое сформулировал А.Я. Гуревич для лишенного собственных письменных источников средневекового крестьянства⁸. Основания для данной аналогии кажутся не совсем достаточными. Число купеческих и мещанских источников личного происхождения, литературных или публицистических сочинений невелико по сравнению с созданными в дворянских и чиновничьих кругах, но не является ничтожным. Более адекватным представляется определение «молчаливое большинство», использованное тем же А.Я. Гуревичем по отношению к средневековым простолюдином в более ранней работе⁹ и примененное А.И. Куприяновым для обозначения большей части горожан конца XVIII-первой половины XIX в.¹⁰

Надо сделать оговорку в отношении всех трех вышеприведенных терминов, что в них подразумевается отсутствие или недостаток не речевой информации, а исключительно письменных источников. Объекты анализа, проделанного как А.Я. Гуревичем, так и современными историками городской культуры, как раз не «молчали», поскольку для них устное слово было практиче-

ки единственным способом коммуникации. Их исторические представления следует обозначить не иначе как «устной историей».

Не стоит думать, что приемы «устной истории» – недавнее методологическое изобретение. «В начале было Слово» и в мировой исторической науке, и в ее национальных вариантах. По устным преданиям или свидетельствам очевидцев написаны почти вся «История» Геродота и значительная часть первых русских летописей. За возрождением интереса к «устной истории» в современности стоит даже не многовековая, а многотысячелетняя традиция. Проблема заключается в том, как получить информацию от людей, например, середины XIX века, которые уже ушли в небытие и чья живая историческая память уже не дошла до нас в устной традиции. Остается надежда на то, что кто-то из образованных современников взял на себя труд собрать их рассказы и записать. Подобные примеры есть, они редки, но не единичны. Анализ такой информации будет отличаться от работы с интервью наших современников¹¹ непринципиально и зависеть от формулировок заданных вопросов и качества записи.

Считаем практически и теоретически обоснованным вывод о том, что приемы сбора и обработки устных материалов, которые применялись краеведами середины XIX в., по основным позициям вполне адекватно соотносятся с современными методиками «устной истории». Неслучайно, что на материалах Самарского края одним из авторов, самостоятельно применившим такие методики для изучения истории высшего образования второй половины XX в.¹², одновременно была показана и продуктивность ретроспективного анализа устной исторической традиции, сохранившейся в записях XIX-XX вв.¹³ Выявление ценности записей преданий краеведами Самарского Поволжья середины 19-го столетия прежде всего было успешно проведено в отношении исторической памяти сельского населения¹⁴. Однако выводы о целесообразности использования таких источников могут быть перенесены на другие категории жителей.

Даже в дворянской среде, наиболее обильно представленной воспоминаниями и дневниками современников, удается выявить пласт фамильных преданий, дополняющих письменные источники личного происхождения и относящихся к эпохе заселения и освоения Самарского Заволжья в XVIII-XIX вв.¹⁵ Подобные предания были опубликованы в интересующее нас время в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова (1856) и «Отрывке из семейных записок Рожновых» Н.А. Рычкова (1862). Эти сочинения облечены в форму литературной повести, что не помешало

использовать в них реальные факты и вынести на публику вековые споры и противоречивые трактовки разногласий между двумя из самых знатных и богатых помещичьих родов заволжской окраины России, Аксаковых и Рычковых, завуалированных под фамилиями «Багровых» и «Рожновых».

Слабее других отразили в письменных источниках свои исторические знания и представления городские сословия купцов и мещан. Они оставили меньше сведений, чем даже средневожские крестьяне, историческая память которых была хотя бы фрагментарно зафиксирована в середине XIX в. не только краеведами-священниками, о чем говорилось выше, но и самими сельскими жителями, например, в фольклорно-этнографических материалах, собранных для Русского Географического общества¹⁶.

Кроме того, в крестьянской среде традиционные представления были достаточно устойчивыми, что позволило преданиям с разной степенью сохранности дожить до их письменной фиксации и публикации уже в советские времена местными краеведами¹⁷ или научными экспедициями¹⁸. Такой устойчивости не было в быстро меняющемся социально-экономическом и культурно-бытовом ландшафте динамичного города, каким стала Самара во второй половине XIX-XX вв., где к тому же все большую роль играли пришлые элементы, не являющиеся носителями местной устной традиции.

Только счастливый случай спас от полного забвения исторические представления рядовых самарских жителей, составлявших в городе «молчаливое большинство», благодаря записям, сделанным учителем, а затем штатным смотрителем уездного училища Г.Н. Потаниным в 1850-е гг. Это были первые годы преобразования прежнего небольшого уездного города в крупный губернский центр, в результате чего окончательно и быстро уходили в прошлое местные особенности и традиции культуры основной части горожан, то есть купцов, мещан и разночинцев. По сути это был последний временной промежуток, когда фиксация уходящей устной традиции могла быть еще произведена. Однако работы Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» остались неопубликованными, не став достоянием специалистов и общественности. С ними можно ознакомиться лишь в Научном архиве Русского Географического общества (НА РГО)¹⁹.

Оба сочинения представляют собой части общего повествования. «Записки о Самаре» представляют собой авторский текст с пересказом или отдельными вставками прямой речи жителей-«информаторов». «Дедушка из Самары» строится в виде диалога с полным преобла-

данием прямой речи. Короткие вопросы, реплики, комментарии исследователя-«интервьюера» направляют разговор в определенное русло, но основную часть занимает свободный рассказ «информатора», то укладывающегося в заданные ему рамки темы, то выходящего в своем повествовании за их пределы. Конечно, это не стенограмма, а обработанная запись, но она максимально приближена к первоначальной устной основе. Следует также подчеркнуть, что исторические представления горожан отражены не в полной мере, поскольку Потанин не задает вопросов, выходящих за строгие локальные рамки, а его собеседники поэтому ничего не говорят о своих знаниях и оценках по поводу событий российской, а тем более всемирной истории.

Собеседник Потанина, представленный в «Дедушке из Самары», имеет собственные портретные, личностные, речевые характеристики, хотя, скорее всего, является собирательным образом самарского старожилы - носителя памяти о прошлом. Его именуют то Филиппом Федоровичем, то Кузьмой Федоровичем, а фамилию ни разу не называют.

Потанин несколько раз использует для своего собеседника (или собеседников) выражение «Самарский Геродот». Оно же является вторым названием «Дедушки из Самары». Это звучит несколько претенциозно, если попытаться представить старого и уже ослепшего самарского купца, как он описан Потаниным, в роли «отца самарской истории». Однако такое выражение достаточно верно подчеркивает то, что мы имеем дело с «устной историей». Подобно Геродоту, превратившему разрозненные устные предания в первый последовательный и связанный исторический текст, Потанин из подобных рассказов плетет историческую канву самарского прошлого. Строго говоря, роль «Геродота» играет сам Потанин, но он скромно отдает громкое имя хранителю устной исторической традиции.

Чистота воспроизведения этой традиции исключительна, поскольку нигде практически не подправляется использованием письменных текстов. Это несколько умаляет полноту и качество потанинских работ как исторических сочинений, но зато доносит до нас исторические представления его информаторов практически в нетронутым виде.

Приступая к своему труду, Потанин писал: «История города во время великих пожаров, 1848 и 1850 годов, лишилась многих письменных фактов, и мне осталось почерпнуть ее только из устных рассказов нескольких старожилых»²⁰. Однако, скорее всего, он отказался от поиска и изучения печатных и рукописных источников для своих трудов, сосредоточившись

на устном материале и на своих непосредственных наблюдениях, по нескольким причинам. В их числе можно назвать не только недавнюю гибель в пожарах значительной части архивов, книжных и газетно-журнальных собраний Самары, но и невозможность заниматься в библиотеках других городов, недостаточный статус для получения информации в официальных учреждениях, неудовлетворительное, с точки зрения Потанина, качество краеведческих публикаций в местной прессе.

Отказ от поиска письменных источников не избавлял от трудностей со сбором материала. Получать устную информацию оказалось тоже непросто. Ее, по словам Потанина, с трудом удавалось «выманить у здешнего весьма скрытного и недоверчивого народа»²¹. Впрочем, низкое происхождение бывшего крепостного и сына дворового, скромное общественное положение учителя, недостаток материальных средств, которые мешали заняться полноценным сбором и изучением рукописей, книг и периодики, наоборот, способствовали установлению доверительных контактов в купеческо-мещанской, крестьянско-казацкой и разночинной среде самарских жителей. Дворянско-чиновничье общество оставалось для Потанина, судя по всему, закрытым. Во всяком случае его представители, как и духовенство, не входили в число информаторов «Записок о Самаре» и «Дедушки из Самары», судя по их текстам.

Современные разработчики темы существования исторической памяти в устной традиции как в далекую старину, так и в новейшее время соглашаются с тем, что она может сохраняться до 80 лет, но «критический порог» этой сохранности имеет срок около 40 лет²², «по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения»²³. Примерно через 40 лет, как правило, наступает время работы историков по осмыслению прошлого²⁴ и написания воспоминаний еще живых современников, а приблизительно за 80 лет место живой традиции в общественном сознании и памяти окончательно занимают официальные трактовки, учебники истории, монументы на площадях²⁵. Формой деградации живой исторической памяти, характерной для мест и обществ, где своих профессиональных историков нет или их работы в широких массах неизвестны и не читаются, является замещение реальных фактов прошлого мифами.

Интересно, что эти наблюдения хорошо согласуются с записями Потанина. В них вообще очень мало дат, что неудивительно при устной передаче памяти. Самая ранняя более или менее определенная датировка исторического события не выведена им самим, а встречается при дослов-

ном воспроизведении рассказа «Дедушки из Самары» об исходе калмыков из заволжской степи: «Кругом вот все этого около городу-ти черный Калмык жил кругом, как зверь лютуший; весь народ как огня их страх как боялся; ну, да тот уж лет восемьдесят пять, как ушел туда в степь»²⁶.

Если считать временем записи 1853-й или более ранний год, поскольку рукопись «Дедушки» была получена в РГО 17 января 1854 г.²⁷, то исход из заволжской степи некрещеных («черных») калмыков отнесен информатором ко времени до или около 1768 года. На самом деле бегство основной массы калмыков из российских пределов произошло в 1771 г. С таким уточнением разница между событием и припоминанием становится ближе к искомому 80 годам, а если разговор произошел за 2-3 года до написания «Дедушки из Самары», то этот промежуток составит почти точно данное число.

Сама ошибка в датах здесь незначительна, учитывая, что неточность их обозначения является, кроме малочисленности датировок, еще одним распространенным недостатком устных источников. Правда, в тексте «Записок о Самаре» Г.Н. Потанин приводит высказывание об избавлении Самары от близкого соседства со степняками с другой датировкой: «Башкир-то с Калмыком (60 лет назад), двинулись вглубь степи к Упчему (Общему Сырту. – Ю.С.); жить то на степей стало льготнее; земельки-то, знашь, стали пахать помаленьку»²⁸. Здесь видны именно подсчеты Потанина, а не его информаторов, которые цифру в 60 лет сами не называют. Она выглядит авторской вставкой.

Может быть, учителя смутило то, что высказывание престарелого купца о давнем времени бегства калмыков во времена его детства не согласуется с подробным и не вызывающим сомнений в правдивости рассказом того же собеседника о похищении его жены калмыками, произошедшем позже. Похитителями, правда, здесь оказались не «черные», а «простые» калмыки, которые «всево-то лет пятнадцать убрались отсюда», а до того «все бывало похватывали из наших баб, коль сплошат кто»²⁹. Для читателя и, наверное, для себя Потанин не объяснил разницу между этими группами кочевников, которая для его собеседников была понятна и не нуждалась в толковании. Указанные, пусть и не совсем точные, датировки позволяют однозначно определить, что речь идет в одном случае об основной массе калмыков-ламаистов, во втором – о крещеных калмыках, обитавших в окрестностях Ставрополя (ныне Тольятти). Организованное переселение последних, несших военную службу наравне с казаками, из Поволжья на новые юго-восточные пограничные рубежи России

произошло в 1843-1844 гг.³⁰, то есть за десятилетие до написания «Дедушки из Самары».

Как мы видим на этом примере, отличающиеся рассказы старожил в «Записках» и «Дедушке» часто взаимно дополняют друг друга, но иногда дают различные версии и трактовки событий. От противоречий в полученной информации Потанин часто в таких случаях просто уходит, физически разнеся несогласованные или непонятные ему сведения в разные рукописи. Этот прием, который позволяет избежать критики источника, был бы неприемлем в сочинении профессионального историка, но в случае с записями Потанина за него стоит только поблагодарить, поскольку он позволил сохранить в целостности изначально разные тексты.

Тот же прием, использованный для древней и недатированной части устной самарской истории, оставил нам разные варианты местной легенды о пребывании на месте будущего города святого Алексия, митрополита Московского. От своего имени Потанин пересказывает ее более или менее достоверный и краткий вариант в «Записках о Самаре». Откровенно фольклорный полусказочный развернутый вариант той же легенды, который Потанин, «несмотря на глубокое уважение» к святому, не признавал достоверным вовсе³¹, тем не менее тоже им был записан и изложен. Только в последнем случае это было сделано словами рассказчика – «Дедушки из Самары».

Еще один яркий пример «раздвоения» устной исторической памяти в двух рукописях Потанина связан с восстанием Пугачева. В полном соответствии с закономерностями «устной истории», изложенными выше, мы видим, что на восьмидесятилетнем пределе давности лет еще сохраняется и живая память о реальных событиях, но одновременно идет процесс ее мифотворческого замещения. Как и в рассказе о святом Алексии, более достоверный вариант повествования о Пугачевщине в Самаре излагается Потаниным в тексте «Записок». Другая версия, превратившаяся в легенду с фантастическими деталями, передается дословным пересказом в «Дедушке из Самары», от которого сам Потанин отстраняется. Эта легенда повествует о том, как святой Алексий явился на защиту хранимого им города, ослепил генерала Мансурова, который командовал карательными войсками в Заволжье, а впоследствии исцелил за то, что генерал сам простил мятежных жителей Самары и испросил для них милость императрицы³².

В то же время «реальные» самарские воспоминания о Пугачевщине оказались удивительно точными даже в деталях, которые Потанин даже при желании не смог бы почерпнуть в исторических трудах своего времени. Эти детали остались

в документах из архивов, куда он, как мы знаем, не заглядывал. Так, очевидец рассказывал: «Это я вот уж сам видел, лет десятка я был тогда: тут вон на самом-то юру двое мотались на вйселнице; один-то черный такой, глаза-то выпучил стрбшны!.. Ну, евгих, кажись, уж сам Муфельсон вздел туда, больно вишь народ-то подбивали к Пугачэ [...] Попов-ти целый год под судом содоржбли, зачем, вишь, допустили присягу взять городу. Много тогда, вишь, народу гибло безвинного. Благо, что покончили дело-то скоро»³³.

Сейчас на основании документов, прежде всего из следственных дел, точно известно, что повешены были в Самаре действительно двое человек, чьи трупы и пугали рассказчика, бывшего тогда мальчишкой. Известны их имена и вины. Это солдаты П. Волчков и Н. Курдюков, которые изменили присяге и перешли на сторону пугачевцев. Верно и то, что самарских священников арестовали и долго держали под следствием за то, что 25 декабря 1773 г. те приветствовали приход отряда повстанцев крестным ходом, колокольным звоном и молебном, а затем приводили население к присяге «императору Петру Федоровичу». Во время взятия Самары 29 декабря карательной командой майора К. Муфеля погибло немало жителей, точное число и имена которых следователям установить не удалось, поскольку трупы убитых земляки подобрали и попрятали, ненайденные тела занесло снегом, а на допросах все горожане как один стояли на том, что их родственников, знакомых, соседей среди пугачевцев не было³⁴.

Список совпадений документальных материалов и устных воспоминаний можно расширить. Однако гораздо важнее то обстоятельство, что «реалистические» и «фантастические» версии самарских исторических преданий совпадают в главном. В сказании о плавании митрополита Алексия общими и самым важным является пророчество о будущем возникновении Самары и ее процветании, а также сам факт исполнения этого пророчества. В «пугачевских» рассказах, собранных Потаниным, одинаковых положений, где народные устные предания солидарны и, самое главное, не противоречат действительности и выводам профессиональных исследователей, несколько. Во-первых, это констатация того, что самарские жители не видели никакого зла от повстанцев, в отличие от карателей, приход которых не принес беды и страх. Во-вторых, справедливость утверждения о том, что подавляющее большинство населения Самары перешло на сторону Пугачева добровольно и единодушно. В-третьих, указание на то, что все самарские жители за отдельными исключениями были помилованы и прощены верховной властью, благода-

ря божественному «Промыслу, пекущемуся о благоденствии нашего Отечества»³⁵ и небесному заступничеству митрополита Алексия.

Святой покровитель Самары, «патрон города», как митрополита Алексия называет Потанин, или «горододержавец», как его же именует «Дедушка из Самары»³⁶, по преданиям, спасал город не только от карателей. Однажды он «ослепил башкир за то, что они вредили городу»³⁷. Впрочем, этот сюжет у Потанина не вызывает доверия, его он не пересказывает, а только упоминает.

Вообще повторяющиеся мотивы ослепления и избавления от слепоты недоброжелателей Самары являются очевидным переносом на кочевников или царского генерала сюжета из канонического жития святого Алексия об исцелении потерявшей зрение царицы Тайдулы. Такой «странствующий» из одного предания в другое сюжет в записях Потанина не единичен. Так, неожиданная деталь одной из легенд о том, что митрополит приплыл в Самару на камне³⁸, заимствована явно из жития Антония Римлянина, основателя монастыря в Великом Новгороде, куда он прибыл именно этим способом.

Как оказалось, ретроспективные источники «устной истории» вполне выдерживают проверку материалами, полученными иными путями и методами. Несмотря на проявления мифотворчества народное восприятие важнейших исторических явлений и событий самарского прошлого неоднократно совпадает не только с выводами позднейших исследователей, но и с мнениями авторитетных современников, высказанных задолго до сделанных записей. Подчеркнем, что об этих мнениях ни сам Потанин, ни его информаторы не знали, а потому совпадения устных рассказов с письменными источниками не были коррекцией устной традиции с оглядкой на документы.

В первой половине XVIII в. В.Н. Татищев описывал Самару, население которой по-прежнему сосредоточивалось под защитой укреплений и пограничных линий, поскольку «под самым городом» кочевали опасные соседи, «киргисцы и калмыки людей били и в полон брали, и скот отгоняли...»³⁹. Почти теми же словами и о том же вспоминал «Дедушка из Самары» уже про вторую половину 18-го столетия: «Знашь, оно спали-то не так крепко, как ноне: в ты поры и во сне-то грезилсь всем Киргизы да Калмыки. Больно, знашь, озорничали, прах их побери. Это нони вон народ-то стрбшнный по степь цело лето бродит и спать домой не идет, там и спит в растяжку; ну а в ты поры не то было: бывало чуть к вечеру: все домой, скорее в город в перегончики бегут и едут. А как чуть этак кто посмелее, да остался в степь на ночевку, да развел огонь, ну и не сдобровать ему, это уж не пройдет даром. Калмык-то, знашь, в степь видит

огонек; ну на огонь-то из степи и наскучут: народ сонной и поберут, лошадей угонят»⁴⁰. Ему вторит рассказчик из «Записок о Самаре». «Бывало, – говорит Самарский Геродот, – только и знают в сполох жарят; бежишь, – што? – бабу, аль корову Калмык увез; такие, пострели их пострелом, пошаливали-таки больно в ты поры»⁴¹.

Есть в городских преданиях и совпадения с рассказами крестьян из окрестных селений, в том числе в записях краеведов, отложившихся в архиве РГО. Так, с исторической памятью горожан вполне согласуются воспоминания жителей из близкого к Самаре села Титовки, которые «в поле тогда выходили не иначе, как большими партиями и с оружием. Женщинам особенно был опасен калмыцкий аркан»⁴².

Исход калмыков с Волги и пугачевский бунт в исторических представлениях самарских жителей оказались связанными не только близостью во времени, но и общими последствиями в виде массовой колонизации Заволжья. «По словам стариков, – писал Потанин, – явление Пугача произвело общее волнение в этом крае; с того времени как будто начинается новый период – Период народного переселения»⁴³. Образованные современники тоже пытались найти взаимосвязь этих событий, например, в нарушенном этнополитическом равновесии в степи, когда казаки, башкиры и все недовольные политикой властей на заволжских и уральских окраинах решились на открытое выступление, «чего не осмеливались оные делать, покуда кочевали близко их калмыки»⁴⁴.

В памяти жителей Самары к предвестиям Пугачевщины была причислена не только этническая драма калмыков, но и «экологическое» бедствие. «Года за два до Пугача, – говорит Самарский Геродот, – поднялась сайга с наших-ти мест, видимо-невидимо ее было; косяки, страх глядеть, тронулись чрез Волгу; шли, шли целых трое суток... А вот взаправду болтали в те поры, что такая оказия была к войне, так оно и вышло тогда»⁴⁵.

Если по поводу исчезновения сайгаков осталось в Самаре некоторое сожаление и геральдический памятник в виде изображения дикой козы на гербе города, то удаление калмыков в местной исторической традиции расценивалось однозначно положительно, хотя оценки «устной истории» расходились с мнением ряда современников. При Екатерине II действующая власть предпринимала безнадежные, в том числе военные, попытки возвращения калмыков, а ее критик М.М. Щербатов тоже сожалел о случившемся и обвинял правительство в неспособности удержать полезных для России подданных⁴⁶.

Самара же с облегчением рассталась с давними и беспокойными соседями. Более охотно

потянулись сюда и переселенцы. «С того времени вот и ст[о]ронний народ стал наплывать к нам», – говорили Потанину старожилы⁴⁷. Прежде же, по их словам, «все боялись нашей стороны», а жители верховых волжских городов только сочувствовали самарским купцам: «Откуда, говорит, ты? – ну из Самары, скажешь; – ох, как, говорит, это вы там живете-то? – калмыки-то, говорит, больно у вас там близко». Однако с изменением ситуации в степи, «как учуяли, как в Самаре живем мы по-простецки, ну вот и пошло, и навалились к нам со всех сторон... все сюда!..»⁴⁸.

В первой половине XIX в. самым запомнившимся, драматическим и даже трагическим событием для старожилов Самары стала эпидемия 1830 года, называемая ими «первой холерой». Она отложилась не только в индивидуальной памяти, но и в общественной благодаря крестным ходам, ставшим традиционными и ежегодными: «Уныние, знашь, нашло на город-то, прятаться стали, кто куды [...] а как подняли ее, Владычицу матушку, да пошли все со слезами, вокруг города-то образа понесли; ну вот и калера отошла, с евтава самого дня, как рукой сняло, никто уж не умер больше. – Вот с евтой поры так уж все и ведется порядок на Воздвиженьё крестам ходить вокруг города»⁴⁹.

В этом случае также наблюдаются знаковые переключки в записях устных воспоминаний и в документах. Во-первых, решение открыть храмы и разрешить массовые религиозные церемонии оказалось абсолютно верным для спасения города от угрозы «холерного бунта». Во-вторых, отмена ограничительных мер, практически бесполезных для карантина и опасных для сохранения общественного порядка, произошла по инициативе и под давлением рядовых горожан. Обоим этим ключевым утверждениям очевидцев из записей Потанина полностью соответствуют выводы ответственных чиновников и образованных жителей в служебной переписке 1830 года⁵⁰.

Кроме того, есть фактические совпадения в памяти жителей и в официальных документах. После крестного хода на Воздвиженьё 14 сентября 1830 г. медики, работавшие в Самаре, и жандармские офицеры, следившие за ситуацией в ней, отметили резкое улучшение эпидемиологической обстановки, которое привело к тому, что уже после 18 сентября в городе не было ни смертей, ни новых случаев заболевания⁵¹.

В качестве других вех самарской истории до-реформенных десятилетий XIX в. у рассказчиков фигурируют точно датированные «происшествия», пожары в 1807, 1848, 1850 гг. и образование губернии в 1851 г. Эти события происходят на фоне общей картины развития городской застройки, инфраструктуры и торговли, иллюстри-

руемой случаями из жизни информаторов, членов их семей, знакомых, соседей. Явления и события этого фона имеют или приблизительные даты, или остаются без них вовсе.

Чем ближе были обстоятельства рассказов «Самарского Геродота» ко времени их записи, тем больше преобладали в них житейские подробности недавнего, и тем меньше пережитое осмыслялось информатором как историческое далёко – «старина». И без того зыбкая в устном повествовании грань между настоящим и прошлым почти исчезала. Конечно, события, современные для Потанина и жителей Самары, уже давно для нас стали историей, а их описания – историческим источником. Как источник для изучения этнографии и истории повседневности русского города середины XIX в., оставшихся вне темы настоящей статьи, записи, сделанные Потаниным, тоже ценны. Однако они уникальны прежде всего как памятники «устной истории». Именно на материалах Самары оказалось возможным реконструировать представления об основных событиях и этапах своего прошлого, сложившиеся у купеческо-мещанского «молчаливого большинства» провинциального города дореформенной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX века). СПб., 1994.
- ² *Очерки русской культуры XIX века. Т.1. Общественно-культурная среда.* М., 1998. С.6.
- ³ *Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. М.-Л., 1928. С.20, 58.
- ⁴ *Кострикина О.А.* Мещанство уездных городов Ярославской губернии в конце XVIII - первой половине XIX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2003; *Белик А.А.* Культура повседневности провинциального купечества конца XVIII - первой половины XIX вв. (На материалах Вятского края). Автореф. дис. ... канд. культурологии. Киров, 2005; *Маслова И.В.* Менталитет провинциального купечества Российской империи в XIX – начале XX вв. (на материалах уездных городов Вятской губернии). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Казань, 2010; и др.
- ⁵ *Рябова Г.Н.* Провинциальная культура России в конце XVIII - первой половине XIX века (На материалах Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004; *Ишкин Б.С.* Представления о провинциальном городе в российской культуре XIX - начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2006; и др.
- ⁶ *Бирюкова А.Б.* Социокультурное пространство и повседневная жизнь поволжских городов первой половины XIX века (историографический аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. №1. С.15-20.
- ⁷ *Козляков В.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т.1. М., 1998. С.196.
- ⁸ *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С.15-16.

- ⁹ *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С.182.
- ¹⁰ *Куприянов А.И.* Культура горожан русской провинции конца XVIII - первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007. С.7.
- ¹¹ Проблемы устной истории и современность: материалы третьей науч. конф. / Отв. ред. Ю.В. Костяшов. Калининград, 1992. С.49-50.
- ¹² *Артамонова Л.М.* Самарская государственная академия культуры и искусств: год первый. Самара, 2006. С.3-4.
- ¹³ *Артамонова Л.М.* Основание селений Самарского края в XVIII веке по крестьянским наказам в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. и по устным преданиям // Самарский земский сборник. 1998. №1. С.22-28.
- ¹⁴ *Артамонова Л.М.* Устные предания в записях священников-краеведов как источник по истории заселения Самарской Луки с конца XVII до середины XVIII веков // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. №1. С.32-33.
- ¹⁵ *Смирнов Ю.Н.* Заволжье во второй трети XVIII – первой половине XIX вв.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской Империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI - начало XX вв.). Самара, 2007. С.167-168.
- ¹⁶ *Артамонова Л.М.* Сбор крестьянами правобережных селений Самарского края сведений для Русского географического общества в 1847 г. // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1996. №3. С.33-35.
- ¹⁷ *Ендурев В.А.* Из истории Похвистневского района // Краеведческие записки. Вып.2. Куйбышев, 1971. С.50-67.
- ¹⁸ См.: *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч.3. Чебоксары, 1988.
- ¹⁹ НА РГО. Р. №26. Д.15, 19.
- ²⁰ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.9об.
- ²¹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.16об.
- ²² *Кознова И.Е.* Историческая память российского крестьянства в XX веке. Дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2005. С.55.
- ²³ *Кретинин Г.В.* Об особенностях сохранения памяти о Великой Отечественной войне у населения Калининградской области // Калининградские архивы: материалы и исследования. Вып.9. Калининград, 2011. С.127.
- ²⁴ *Артамонова Л.М.* Из опыта применения «устной истории» и актуализации исторической памяти в исследованиях о прошлом российских вузов (на примере СГАКИ) // Историческая наука: проблемы и основные тенденции развития: материалы II Международной науч. конф. Тула, 2008. С.165.
- ²⁵ *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и культурная идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С.53-54.
- ²⁶ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.6.
- ²⁷ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.24.
- ²⁸ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.15 и об.
- ²⁹ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.6.
- ³⁰ *Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара-Челябинск, 2008. С.277-278.
- ³¹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.18об.
- ³² НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.9об.-10.
- ³³ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.10об.-11.
- ³⁴ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн.1. Самара, 2011. С.87.
- ³⁵ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.11.
- ³⁶ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.5.
- ³⁷ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.18об; Д.15. Л.19.

³⁸ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.18об.

³⁹ РГАДА. Ф. 248. Д.134. Л.1069.

⁴⁰ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.5об.

⁴¹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.18об.

⁴² НА РГО. Р. №34. Д.6. Л.12об.

⁴³ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.3об.

⁴⁴ *Рунич П.С.* Записки сенатора Павла Степановича Рунича о пугачевском бунте // Русская старина. 1870. Т.2 (Изд. 3-е). С.70.

⁴⁵ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.10.

⁴⁶ *Щербатов М.М.* Статистика в рассуждении России // ЧОИДР. М., 1859. Кн.3. Отд.2. С.25, 52, 56.

⁴⁷ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.15об.

⁴⁸ НА РГО. Р. №26. Д.19. Л.7.

⁴⁹ НА РГО. Р. №26. Д.15. Л.20.

⁵⁰ *Артамонова Л.М.* Холера 1830 года в Самаре: действия властей и реакция общества // Историки и история в меняющемся мире: сб. статей. Самара, 2003. С.56-57.

⁵¹ *Артамонова Л.М.* Взаимодействие общества и церкви в русской провинции во время «первой холеры» 1830 года: по материалам Самарского Поволжья // Православные ценности в современном мире: сб. материалов межрегиональной науч.-практ. конф. Самара, 2008. С.401-402.

**ORAL HISTORY OF «THE SILENT MAJORITY»:
MILESTONES OF SAMARA'S LAST ACCORDING TO MERCHANTS
AND TOWNSPEOPLE VIEWS AT THE MID-19th CENTURY**

© 2013 Yr.N. Smirnov

Samara State University

Reconstruction of historical views of Samara merchants and handicraftsmen in the middle of the 19th century was made possible thanks to writing their stories by local historian Gavriila Potanin. These Samara records are unique in the provincial cities and interesting not only for local, but for all-Russian researches. Key words: Russia in the 19th century, history of Volga region, historiography, source studies, provincial culture, oral history, historical ideas of residents of Samara town.